

Новая газ. — 2003. — 17-19 марта. — С. 18.

АЗЪ И ВООК'и

ЛИТЕРАТУРА

КАК ЗАМОРОЖЕННЫЙ ПРОДУКТ

В этом году сразу две крупные литературные премии — «Повесть Белкина» и Аполлона Григорьева — получил один автор: Марина Вишневецкая, причем за одну и ту же повесть. Может быть, эта вещьца «будет посильнее «Фауста» Гете»? Увы.

Тогда другая цитата: «Чересчур земля моя поэтами нища» (ну и прозаиками тоже) — в этом дело? Или просто критики, раздающие награды, исходят исключительно из каких-то своих корпоративных интересов, далеких от забот о русской литературе? Вообще, что с ней, с этой самой некогда великой литературой, нынче происходит?

Об этом, и не только, — наш разговор с Леонидом Латыниным, автором многих книг стихов и прозы, издававшихся как в России, так и за рубежом — в частности, в Англии и Швеции...

— Сегодня выход поэтической книги становится событием исключительно для ее автора. «Фонетический шум» — книга «на двоих» — ставила своей целью сблизить поэта и его читателя? Ведь второй автор книги, Евгений Витковский, известный переводчик, составитель антологий, присутствует в «Фонетическом шуме» скорее в качестве читателя стихов...

— Любям для понимания друг друга нужен хотя бы общий словарь. Эта книга — попытка словаря «на двоих». Как ни странно, я встретил наконец своего единственно-го читателя.

— ?!

— Читатель — это ведь тот человек, через которого ты слышишь свои стихи. В этом смысле Евгений Витковский — больше автор этой книги, чем я. Без Витковского этой книги быть не могло; была бы какая-то другая...

— Известно, что Витковский занимается в основном эмигрантской литературой. Он что, увидел в вас эмигранта?

— Вполне возможно. В свое время из-за какого-то несовпадения со временем и социумом я действительно отбыл в эмиграцию — в свое личное внутреннее государство. Мне и прежде ближе всего была именно эмигрантская поэзия. И Георгий Иванов, как ни грустно сказать, мне роднее и ближе Мандельштама, Пастернака или Ахматовой...

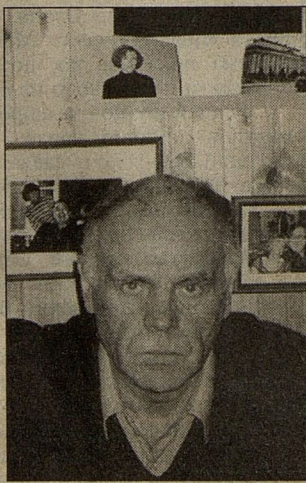
— Интерес к постсоветской литературе внутри страны окончательно иссяк?

— Постсоветская литература закончилась. Всем недополучившим раздали последние серги. Андеграунд превратился в литературную власть на маленьком, убогом пространстве размером с университетскую литературу. Литература большой империи, как и страна, распалась на мелкие ареалы.

— Наверное, вы хотите сказать — на тусовки?

— Да, сегодняшняя литература — это литература тусовок. Там нет персонажа. Тусовка и есть коллективный автор. Они сами себя и обслуживают: издают, поощряют премиями, пиарят, чтобы возбудить хоть какое-то любопытство у читателей. Это такой мелкий литературный бизнес, где есть все профессии, в том числе и критики. Кстати, не нужно забывать, что советская литература, включавшая в себя и лучшие имена, тоже сплошь состояла из политтехнологов. Там не было почти ни одного эстетического критика.

Леонид Латынин о своей книжке, своей дочке и несвоих тусовках

— Тогда чем отличаются бывшие литературные обоймы от сегодняшних литтусовок?

— Обоймы тоже имели свои средства влияния на общественное мнение, свою среду, но... они были явлением общелитературным. В них «сбивали» все-таки самых ярких, одаренных. Почти каждый из них был вполне самодостаточным. Это были те листья, которые шевелил ветер времени. Но когда из литературы была исключена сама литература, обоймы заменились тусовками, занимающимися коллективным бизнесом.

— Но ведь есть и отдельные, самовыживающие персонажи?

— Есть, но частное предпринимательство тусовками не приветствуется.

— Вот вы говорите, что из литературы ушла сама ее суть. А как же это — она взяла, да и ушла?

— Она была исключена. В моем последнем стихотворении есть строчки: «Разлив времен захватывает сушу, Былые судьбы превращая в жмых. И бедные закладывают душу, Последнее сокровище живых...». Мне кажется, той практикой, когда художественный текст стал подменяться рукотворной мифологемой, когда шум о продукте и стал самим продуктом, мы обязаны бизнесу постмодернизма. Вспомните Олю Свиблову, генератора одной из самых первых и самых удачных рукотворных мифологем. Именно она, всегда стоявшая за кадром, создала коллективного и благо-

получно забытого автора по имени «метафористы».

— А поэзия, существующая в интернете? Она что, замена прежнего самотека?

— Прежде у самотека все-таки была цель — занять место в литературе. Теперь он занимает место на сайтах «Поэзия.ру» или «Стихи.ру» и никакого отношения к литературе не имеет. Там нет сверхзадачи. Туда пишут все, и стихи там — только повод для общения. Игра. И вряд ли кто-нибудь на сайте захочет познакомиться с вашими стихами, если они не будут сопровождены вашей фотографией. В этом виртуальном мире нет нужды ни в какой правде, ни в какой исповеди. Это та игра, которая называется фикцией коммуникации. Особенно в ней нуждаются русскоязычные эмигранты.

— Безвизовое пересечение языковой границы? А вы, уйдя во внутреннюю эмиграцию, сохранили безвизовый режим с вашей дочкой Юлией Латыниной?

— У нас с Юлей даже не общая граница. Мы живем даже не в одном времени: я живу по песочным часам, а единица измерения ее жизни — опережающее движение секундной стрелки. И, что немаловажно, мы пользуемся непересекающимися, даже параллельными словарями сознания. Ей интересна политехнология власти, теория теневой экономики и т.д. Она погружена в это пространство закулисы, в жизнь по ту сторону света. И жизнь эта кажется ей живой. Для меня же все, что сейчас происходит, — всего лишь одна из запяток, в лучшем случае — бездарная страница какого-то большого исторического текста. И я не могу к этой малозначительной, на мой взгляд, странице относиться с каким-то особым придыханием.

— Как же вы существуете с Юлей в одном пространстве?

— Нас объединяет гораздо большее — любовь. Жизнь становится убогой, если людей разъединяют какие-то идеи. Ведь идеи — это не то, что составляет главное содержание человека, поскольку тоже являются общими. Как форма одежды.

— Кстати о форме. Вот толстые литературные журналы не изменили своей формы тоже из-за общей идеи?

— Это журналы, которые стараются участвовать в прошлой литературе. Они существуют в пространстве времени, которого уже нет. Думаю, их главное назначение — напоминать нам о том, что было и что может быть, когда возникнет новая империя. Они выполняют функцию холодильников, сохраняя замороженными те продукты, которые не могут долго храниться в живом виде.

В России всегда была какая-то метафизическая тайна. Кто бы мог подумать, что, уничтожив всю интеллигенцию, разрушив инженерный корпус, мы станем обладателями сверхракет, наша музыка и литература покорят планету, а по системе Станиславского будут играть лучшие европейские театры?

● Анна САЕД-ШАХ